

ном месте, где ему не удалось бы ее найти. Но герцогиня сказала, что, прежде чем отпустить ее, она попытается узнать, что собирается делать ее муж. Вскоре же, однако, она услышала, сколь злобен был замысел герцога, – и, хорошо зная его нрав, не только отпустила девушку, но даже сама посоветовала ей отправиться в монастырь и оставаться там до тех пор, пока гроза не стихнет; та так и сделала и уехала, стараясь, чтобы об отъезде ее никто не узнал. Герцогу, однако, удалось проведать, что та, которая вызвала его гнев, успела скрыться. Изобразив на своем лице притворную радость, он спросил у жены, куда она исчезла. Жена его, решив, что он и так уже все знает, рассказала ему всю правду. Тогда герцог сделал вид, что не собирается причинять девушке никакого зла, и попросил жену устроить так, чтобы она вернулась, дабы вокруг ее отъезда не поднялась дурная молва. Герцогиня ответила, что, раз уж приключилась такая беда, что она попала в его немилость, было бы все же лучше, чтобы какое-то время она не попадалась ему на глаза. Но герцог не захотел ничего слушать и приказал жене во что бы то ни стало вернуть беглянку. Герцогиня тотчас же объявила несчастной волю герцога, но та ни за что не хотела возвращаться и, отлично зная, что герцог не так легко прощает обиды и что с его стороны это только притворство, попросила госпожу свою не брать ее из монастыря. Та, однако, заверила ее, что герцог не сделает ей ничего худого, и поклялась в этом жизнью своей и честью. Девушка, которая хорошо понимала, что герцогиня любит ее и не станет ни с того ни с сего ее обманывать, поверила ее обещаниям, считая, что герцог не осмелится совершить ничего такого, что могло бы задеть честь его жены. И вместе со своей госпожой она вернулась во дворец. Но едва только герцог узнал о ее возвращении, он тут же явился в комнату жены.

«Ах, так, значит, она здесь!» – воскликнул он, увидя девушку, – и, обернувшись к своей свите, велел тотчас же схватить ее и отвести в тюрьму. Тогда обманутая герцогиня, которая сама уговорила девушку покинуть надежное убежище, клятвенно обещав ей, что с ней ничего не случится, кинулась перед мужем на колени и в отчаянии стала молить его во имя любви к ней и ко всему их дому не учинять жестокой расправы. Она сказала, что привезла ее домой из места, где она была в безопасности, только для того, чтобы не ослушаться его приказания. Но никакие мольбы и никакие доводы не в силах были смягчить сердце герцога и заставить его отказаться от мысли о мести. Ничего не ответив жене, он сразу же ушел и тут же, презрев всякую справедливость, забыв бога и честь дома своего, велел повесить несчастную. У меня нет слов, чтобы рассказать вам, в каком отчаянии была герцогиня, – да и как иначе могла себя чувствовать женщина благородная и с добрым сердцем, видя, как по ее вине погибла та, которую она хотела спасти? А что же сказать о безысходном горе несчастного дворянина, который любил эту девушку! Стараясь сделать все, что мог, для того чтобы спасти ей жизнь, он предложил отдать за нее свою. Но сердце герцога не знало жалости; он хотел только одного – отомстить тем, кого ненавидел. Так и была повешена эта невинная девушка по приказу жестокого герцога, поправшего все законы чести, к великой скорби всех, кто ее знал.

– Вот, благородные дамы, к чему приводит злонамеренность, соединенная с властью.

– Я слышала, – сказала Лонгарина, – что есть три порока, которым итальянцы больше всего подвержены, но я никогда бы не подумала, что мстительность и жестокость их могли зайти так далеко, что такой незначительный проступок повлек за собой столь жестокую казнь.

– Лонгарина, вы покамест назвали нам только один из трех пороков, – смеясь, воскликнул Сафредан, – но какие же есть еще?

– Если бы вы не знали, – сказала Лонгарина, – я бы непременно вам их назвала, но я уверена, что вам хорошо известны все три.

– Значит, я, по-вашему, так уж порочен? – спросил Сафредан.

– Вовсе нет, – ответила Лонгарина, – но вы так хорошо знаете, сколь отвратителен порок, что вам легче избежать его, нежели кому бы то ни было другому.

– Не удивляйтесь этой жестокости, – сказал Симон-то, – тем, кто бывал в Италии, приходилось видеть страшные преступления; по сравнению с ними это сущий пустяк.

– Это верно, – сказал Жебюрон, – когда французы заняли Ривольту,³⁷⁵ там был один итальянский капитан, которого все считали добрым малым. И что же, увидев тело убитого врага – а вра-

³⁷⁵ *Ривольта* – небольшой город близ Милана; во время итальянских войн город был захвачен войсками Людовика XII в 1509 г.